

С-47 С 47
1/5

Н. СЛАДКОВ



ПТЕНЦЫ-ХИТРЕЦЫ

Детиз - 1955

нр 82г.
нр 80г.
нр 80г.

Н. СЛАДКОВ

с 47

ПТЕНЦЫ-ХИТРЕЦЫ



59

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 31
Ленинского района
г. МОСКВА

Рисунки Е. Чарушина

1970

2
K

50

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1955



Жил я в лесу. Совсем один.

Скучно одному. „Вот бы,— думаю,— щеночка себе завести. Весёлого, ласкового. Учил бы его уму-разуму — скуки бы и не было“.

Но в лесу щенков нет. Собрался я в деревню. А дорога туда была не близкая.

Вышел я из лесу, пошёл полем. Шёл-шёл — устал. Присел отдохнуть.

Говорящие яички

Хорошо летом в поле! Кругом рожь шелестит.

Вдруг слышу: будто плачет кто-то тихонько во ржи...

Раздвинул колосья, а там — целое лукошко яиц!

Лукошка-то, правду сказать, никакого нет: прямо на земле яйца лежат в ямке. И много их: двадцать штук я насчитал.

Лежат и... вот чудеса! — переговариваются.

На птичьем, правда, языке — писком. А всё-таки странно как-то: ведь яйца! Я даже отодвинулся.

— Пик! — скажет одно яичко.

— Пик-пик-пик! — отвечают другие.

Осторожненько взял я одно яйцо и приложил к уху.

— Пи-ик! — испугалось яичко.

Потом что-то ворохнулось в нём, тукнуло изнутри в скорлупку — и притихло.

Ясно: в яйце готовый цыплёночек! Вот-вот выклюнется. Гнездо — я знал это — красивой полевой курочки: серой куропатки. Куропатка-мама куда-то пропала. Может быть, ушла надолго. А может быть, и совсем не вернётся: ястреб её скогтил или хорёк её поймал. Птенчики и волнуются. Пищат. Чувствуют, наверно, что пропадут без мамы-то.

Положил я обратно яйцо. Задумался. Верно ведь: выклюнутся — непременно пропадут одни, без матери. Сколько кругом врагов-то!

Надумал: никакого мне щеночка не надо. Сбегаю домой, принесу корзиночку, сложу в неё яйца. Будет у меня целых двадцать цыплят — жёлтеньких, хорошеньких. Кормить их буду, уму-разуму их учить. Какая уж тут скука с ними!



— Пик!—пискнуло в одном яйце.

— Пик-пик-пик-пик!—тревожно отозвалось в других.

Боятся одни-то! Надо спешить.

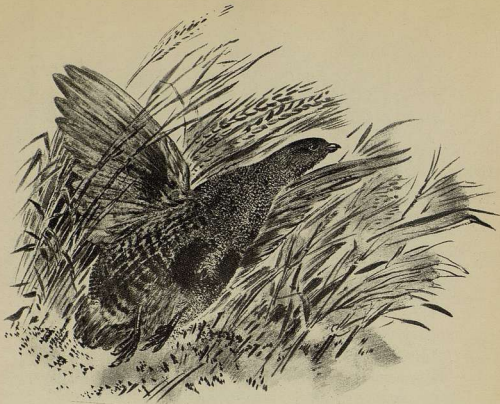
— Не пищите!—крикнул я им.— Живо вернусь—заберу вас к себе домой.

И побежал к себе в лес за корзиночкой.

Яичко на ножках

Прибегаю назад—нет в ямке яиц, одни пустые скорлупки лежат!

А из ржи с треском и шумом вырвалась вдруг красивая курочка: серенькая, а на груди шоколадная подковка. Взлетела, пала на тропинку—и побежала по ней, волоча по земле крылья.



— Знаю вас!— крикнул я ей.— Не обманешь!

Это была куропатка-мама: куропатки всегда так притворяются, чтобы отвести человека подальше от своих птенчиков.

— Очень рад, что тебя никто не съел. А одного твоего сынка я всё-таки возьму. У тебя вон их сколько, а я-то в лесу один.

Я посмотрел себе под ноги. Птенцов я не увидел, а увидел одно яичко, ещё целое.

Я нагнулся, чтобы взять его. Но яичко вдруг вскочило на ножки и побежало. Я руку отдернул от неожиданности.

Потом кинулся его ловить, схватил... В руке у меня хрустнула скорлупка. А из-под скорлупки выскочил птенец, шмыгнул в рожь и пропал.

Это половина скорлупки прилипла к влажному пуху птенчика. Куропатка-мама ещё не успела склонуть её с сына — он так и бегал со скорлупкой на спине. И хоть прямо из яйца, а ловко бегал: в руки не дался.



„Ну, этим птенчикам я не нужен! — решил я. — Боевые ребята! Пойду-ка к себе в лес: там, наверно, найдутся беспризорные птенчики, которые могут пропасть без моей помощи. Пойду помогу им“.

Пошёл в лес.

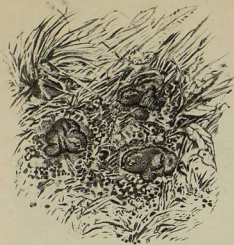
Под шапкой-невидимкой

В сухом ельничке с муравьиной кучи свечой взлетел рябчик. А во все стороны с кучи, как шарики, покатались крошечные рябчата. Они были в пуху и летать ещё не могли.

У меня глаза разбежались: кого ловить? Кинулся за одним, кинулся за другим, в третьего шапкой бросил — и всех упустил.

Рябчата затаились — будто шапки-невидимки надели.

„Ладно, — думаю. — Ваше счастье, что вы так хорошо умеете прятаться!“ И пошёл поднимать свою шапку.



Глядь — а под ней два рябчонка лежат рядышком!

К земле прижались, глазёнки зажмурили — будто они и в самом деле под шапкой-невидимкой.

Я их — цоп!

Держу в руках и думаю: а остальных как найду? Давай-ка я этих двух к тем подпущу: они побегут прятаться к своим и покажут мне, где остальные.

Выпустил одного. Он ножками чик-чик-чик! — отбежал, к земле припал и листком сухим накрылся, будто его тут и не было. Рукой случайно не тронешь — ни за что не найдёшь... И других рябчат рядом не видно...

Выпустил я второго. Думаю: „Может, этот покажет?“

А он даже и не побегал: тут же припал к земле и пропал — не то земли комок, не то коры кусок.

Я понял: значит, и остальные так — кто комочком, а кто под листочком. Пушок у них — защитного цвета. Выходит, не шапка у рябчат, а вся одёжка — невидимка!

Что тут делать? Комочков да листочков вокруг меня не счесть сколько. Всех их руками не пересчитаешь! Хотел я уж домой уйти, да испугался. Эдак-то, не видя, я всех рябчат сапогами подавлю. Помощник, тоже... Как тут быть?

Присел я на пенёк. Разулся. Потом осторожно опустился на колени, ладонью впереди себя пощупал, каждый листок перевернул пальцами.

Немножко вперёд продвинулся — опять пощупал.

Да так из ельничка и ушёл — на четвереньках.

Дополз до поляны — там стал на ноги.

„Ну, — думаю, — ни полевым, ни лесным птенчикам я не нужен. Эти и без меня проживут. Пойду у озера гнёзд поищу — вон под горой меж деревьев вода виднеется“.

Нырец-подводник

Спустился я с горки, пошёл по берегу, смотрю — в воде на кочке чомгино гнездо. В гнезде — пустые скорлупки и один птеник.

Птеник совсем махонький: не может ни стоять, ни сидеть; лежит себе на пузечке, вытянув вперёд тонкую шейку и беспомощно растопылив лапки. „Уж живой ли он?“ — подумал я и перевернул его пальцем на спину. Малыш засучил ножками, силясь перевернуться на живот.



— Какой же ты беспомощный! — сказал я ему. — Такой мне и нужен — возьму тебя на обучение.

Но тут птенчик перевернулся, скатился на край гнезда... и бульк в воду. Как камешек, только круги пошли!

Я живо раздвинул траву и, прикрыв глаза рукой от яркого блеска воды, заглянул в глубину. Там я увидел птенца.

Он держался под водой носом за камышину и не двигался.

Я сунул руку на дно, чтобы скорее подхватить и спасти его. Но птенец вдруг оттолкнулся от камышины и быстро поплыл под водой, работая лапками. Птичонок как ни в чём не бывало мчал под водой! Удирал от меня.

Проплыл до того места, где стеной стоял камыш, и выскочил там, как пузырёк из воды. А навстречу ему из камыша чомга-мама. За ней чомчата — мал мала меньше.

„Вот это, — думаю себе, — малыши так малыши! Нырцы-подводники. Птичонок ещё ходить не умеет, стоять не умеет, ползать не может, а нырять и плавать — пожалуйста!“

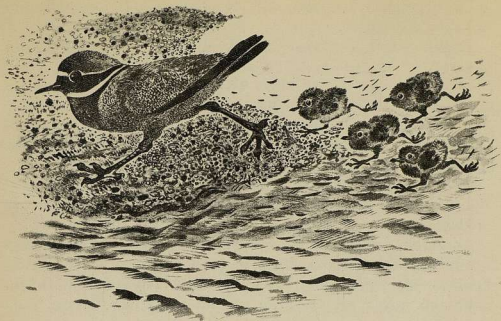
* * *

Семейство чомг скрылось у меня из глаз в густых камышах. А я пошёл дальше по берегу озера.

Послушный малыш

Смотрю: впереди меня бежит жёлтенький куличок — зуйк-галстучник. За ним катятся четыре зуйчонка величиной с напёрсток, на высоких ножках.

Путь зуйкам пересекла узкая лужица. Зуйчиха на крылья — и перелетела воду. А у зуйчат ещё и крыльев



нет: один пух. А всё равно и они не остановились: мах-мах ножками по воде, как по песку. Такие лёгкие, что и вода их держит. Я даже вскрикнул от удивления.

Зуйчиха-мама оглянулась на меня с того берега лужи и негромко сказала своим зуйчатам:

— Пи-у!.. Ложись!

Трое зуйчат были уже на том берегу лужи. Услышав приказ матери, они разом припали к земле и пропали из глаз: их серо-жёлтые спинки слились с жёлтым песком и серой галькой.

А четвёртый зуйчонок не успел перебежать лужу — и плюхнулся прямо в воду. Только головка его была на песке, а всё тельце — в воде: он лёг там, где его застала команда: „Пи-у!.. Ложись!“

Я перешагнул лужу, сел на камень рядом с послушным птенчиком.

„Дай,— думаю себе,— дождусь, что он дальше будет делать“.

Птенчик лежал не шевелясь. Было ему плохо: вода холодная, пушок намок, пальчики упирались в камешки на дне лужи, но он не шелохнулся. Даже чёрные бусинки-глазки не моргали. Мама велела лечь—и он послушно лежал.

Я сидел долго, так долго, что у меня нога затекла. Я шаркнул ею около самого носа зуйчонка, но он не шевельнулся.

Комары одолели. Один комар сел зуйчонку на голову, проткнул ему носом кожу и стал толстеть—наливаться кровью. На крошечной головке птенчика он казался чудовищем и всё рос, рос на глазах, наполнял брюхо алой кровью.

Зуйчонок чуть прижмурил от боли глаза, но терпел—и не трогался с места.

А моё терпение лопнуло. Я наклонился и щелчком сшиб комара с бедного птенчика. Потом осторожно взял продрогшего птенчика двумя пальцами поперёк тельца и поднял к своим губам.

— Полно тебе в прятки-то играть!—сказал я ему, осторожно прикасаясь губами к нежному пушку на его голове.—Беги догоняй маму.

Но зуйчонок и не моргнул. Я положил его на сухое место, подальше от воды. Зуйчонок не шелохнулся.

„Уж не умер ли он?“—с тревогой подумал я. И вскочил с камня.

Это моё движение испугало зуйчиху-мamu, скрывавшуюся где-то в камнях дальше по берегу.



— Кру-кру!— крикнула она оттуда.— Вскидай! Беги!
В один миг вскочили на ножки все четыре зуйчонка
и — чик-чик-чик! — стремглав понеслись к зуйчихе.

„Ну-ну!— сказал я себе.— Если бы я так свою маму
слушал в детстве, так, верно, вышел бы из меня толк.
Куда уж мне учить таких...“

И пошёл домой через большое лесное болото.

Чур-чура

Шагаю да шагаю. Вдруг вижу: далеко впереди под-
нялся с кочки большой журавль и, как-то смешно при-
гнувшись, убежал в кусты.



Я сразу сообразил, что это не журавль, а журавлиха и что на той кочке у неё гнездо.

Подошёл к кочке — верно: в кочке — углубление и в нём на подстилочке из травы лежат два большущих пятнистых яйца, каждое с мою ладонь. Одно целое, а другое — с дыркой наверху. И рядом лежит толстая скорлупка: птенец, видно, сию минуту только сделал себе в яйце окошко.

Я так и замер на месте: что дальше будет?

Вдруг из окошка высунулась взъерошенная головёнка на длинной шее. Журавлёнок!

Журавлёнок покрутил острым носом и зажмурил глаза.

Мир, в котором журавлёнок собирался родиться, был полон солнца и яркой зелени.

— Привет тебе, привет! — громко приветствовал я птенца. — Ну как, нравится тебе у нас?

Журавлёнок беспокойно завертел головой, но, видно, не понял, что я стою с ним рядом.

Тогда я наклонился к нему. Моя тень накрыла гнездо. И вдруг — нырк! — журавлёнок исчез в яйце. В гнезде попрежнему лежали два очень крупных яйца: одно целое, другое — с дыркой в скорлупе.

— Вот это здорово! — удивился я. — Не успел ещё на свет родиться, а уж в прятки играет! Чур-чुरа: я дома!

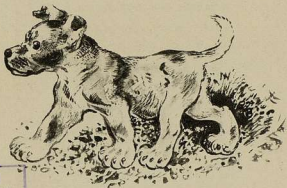
Вспомнились мне тут говорящие яички серой куропатки, и я подумал:

„А может, они тогда не со страху пищали, а между собой сговаривались, как от меня ловчее удрать? И ведь удрали! Видно, птенцы, ещё не родясь на свет, мастера в прятки играть. А я их уму-разуму учить собрался!“

Размахнулся я корзиночкой, что была у меня приготовлена для будущих моих воспитанников-птенчиков, и закинул её далеко в траву.

А сам пошёл в деревню — щеночка доставать.

Щенок ни прятаться не умеет, ни плавать. И непослушный. Вот и буду его учить.



33570.





Для дошкольного возраста

СЛАДКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Птенцы - хитрецы

Ответственный редактор

Г. В. Карпенко.

Художественный редактор

О. В. Демидова.

Технический редактор

В. А. Голубева.

Корректоры

Е. И. Вильтер и К. П. Тягелская.

Сдано в набор 25/XI 1954 г. Подписано к печати 17/I 1955 г. Формат 60 × 92¹/₈ — 2 печ. л. (1,47 уч.-изд. л.). Тираж 200 000 экз. А01139. Заказ № 1333.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушецкий вал. 49.



Цена 65 коп.

Листа 70 н.

